

ность его исследования в целом и безусловную правоту автора в двух его основных положениях 1) влияние Горация явно возрастает к концу века и «осложняется, впрочем, рядом наслоений иного порядка в XIX в», 2) в творчестве Капниста и Державина (а это уже непосредственно касается нашей темы) «горацианские мотивы органически перерабатываются и делаются неотъемлемой составной частью их художественной системы»³ П. Н. Берков также прав, когда указывает, что в издании Я. К. Грота с наибольшей полнотой перечислены горацианские мотивы в державинской поэзии.

Со времен Я. К. Грота этой теме, к сожалению, уделялось недостаточно внимания, хотя общеизвестно, что сам Державин решает уже в 1779 г. «избрать совсем особый путь», суть которого, как он говорит, состояла в подражании «наиболее Горацию»⁴. Многие исследователи, используя эту цитату, подчеркивают, как правило, *оригинальность* избранного поэтом пути, а не подражание Горацию. Между тем сходство между поэтами после 1779 г. настолько велико в некоторых проявлениях, что требует отдельного и тщательного изучения. Здесь мы сможем только коснуться отдельных аспектов этой проблемы на примере первого стихотворения Державина, в котором влияние Горация явно проследится, — стихотворения «Ключ», вольного переложения XIII оды книги III од Горация, «O fons Bandusiae». Постараемся также показать, что горацианские мотивы вошли в художественную систему Державина настолько прочно, что это отразилось даже на композиции его прижизненных собраний сочинений.

Нами было показано ранее, как уже в этом одном из первых произведений автора, избравшего «новый путь», проследивается сложная система мировоззрения, связывающая образ поэта с топом «воды», и как в нем выражен потаенный смысл ключа в подмосковном имении Хераскова, которое Державин не раз посещал⁵. Но нами тогда не было еще отмечено, что основное, чему поэт явно учится у Горация, это разработка лирического образа как самодовлеющего начала — это не ода на какой-либо случай или тему (бракосочетание, «великость»), какие он писал раньше, а просто

³ Изв. АН СССР Отд. обществ. наук 1935 № 10 С. 1056

⁴ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота 2-е изд. СПб., 1868–1878 Т. 1–7, здесь Т. 6 С. 443. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. См. также статью X. Роте в настоящем издании (С. 247–259).

⁵ См. Levitsky A. La symbolique de l'eau chez Derjavine // Derjavine, un poète russe dans l'Europe des Lumières. Paris, 1994. P. 53–66 (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Etudes Slaves Т. XCVIII). Расширенное рассмотрение этой темы нами дано в статье «Образ воды у Державина и образ поэта» (XVIII век СПб., 1996 Сб. 20 С. 47–71).